

В гостинице двое сидели за столиком у окна в отдельном кабинете. Е Цзымин, не понимая, спросил:

— Сяо Чэн, если лошадь устала, дай ей отдохнуть, зачем обязательно менять? А если бы это была лошадь, которая давно с тобой? Если бы она выбилась из сил в дороге, ты бы тоже её заменил?

— Смотря по обстоятельствам. Если ситуация крайне неотложная, неужели я позволю ей тянуть меня назад? — невозмутимо ответил Цин Чэн. Заметив вновь недовольное выражение лица Е Цзымина, он усмехнулся: — Я же не собираюсь её убивать, что в этом такого?

— Но разве у тебя нет к ней никаких чувств после того, как вы столько времени провели вместе? — не унимался Е Цзымин.

— Чувства? — Цин Чэн внезапно помрачнел. Он отвернулся, слегка покачивая кубок с вином, и произнёс низким голосом: — Какая польза от чувств? Могут ли они помочь человеку получить желаемое? Это лишь самообман тех, кто позволил чувствам одурачить себя и даже не осознал этого.

Тон Е Цзымина внезапно стал серьёзным:

— Сяо Чэн, тебя что, когда-то ранила женщина? — А затем, голос его наполнился извинениями: — Прости, Сяо Чэн, я не нарочно. — Однако уже через мгновение Е Цзымин вернулся к своему привычному шутливому тону: — Но вряд ли, правда? Такой, как ты: высокого мастерства, видной наружности, да и на вид богат — как тебя могла бросить женщина? Ну, так что же тогда случилось...

Цин Чэн не стал ему отвечать. Этот мужчина, который весь день только и знал, что болтать, — неужели он и вправду наследный принц Государства Цзян? Неужели такой бестактный? Эта шутка зашла слишком далеко. К тому же, как он вообще может быть похож на Бай Июня? Должно быть, он сам себе надумал, ведь они совершенно не похожи. И ещё — брошен женщиной? Да как такое возможно? Когда это Цин Чэн оказывался в роли брошенного? Даже Бай Июнь, узнав о его чувствах, лишь попросил времени всё обдумать, но кто мог знать, что то расставание станет вечным. Цин Чэн не верил, что Бай Июнь погиб. Тело найдено не было, а значит, нельзя делать поспешных выводов.

Только вот прошло пять лет, а в мире боевых искусств не появилось ни единого известия о Бай Июне. Учитывая его характер, даже если бы он с чем-то был не согласен, он ни за что не ушёл бы вот так, в тишине, не сказав ни слова. По крайней мере, он поставил бы Цин Чэна в известность о своём решении. Поэтому Цин Чэн не верил в его смерть и не хотел верить.

— Сяо Чэн, ты слышишь, что я говорю? — Е Цзымин подался вперёд и настойчиво замахал рукой перед глазами Цин Чэна.

— Слышу. Хочешь есть — зови слугу, чего ко мне лезешь? — Цин Чэн слегка нахмурился и отодвинулся, будто пытаясь отстраниться от Е Цзымина. — Ешь быстрее, через полчаса

выступаем. Если останемся здесь дольше, я не ручаюсь, что смогу защитить тебя, когда придут преследователи.

— А, что? Ты сам меня выкрал, а теперь хочешь бросить на полпути, когда я даже не владею боевыми искусствами? Это как-то не по-рыцарски с твоей стороны, — недовольно проворчал Е Мо, быстро уплетая еду и не забывая бросать на Цин Чэна сердитые взгляды.

Цин Чэн хотел что-то ответить, но в конце концов лишь молча нахмурился. Он наводил справки об Е Цзымине: наследник Государства Цзян, хоть и не мастер высшего уровня, но его навыки вполне достойны, по крайней мере, обычные люди из мира цзянху ему не соперники.

Год назад Государство Маньлин по своей инициативе напало на Государство Цзян. Сначала всё шло гладко, они захватили два города, но неожиданно для них Государство Цзян перешло в контратаку и стало теснить врага, поставив под угрозу даже исконные земли Маньлин. В конце концов, те первыми предложили мирные переговоры и перемирие сроком на один год. Внутри двора Государства Цзян тогда тоже возникло немало проблем, поэтому, учитывая военную ситуацию, власти согласились, не раздумывая.

Но кто бы мог подумать, что Государство Маньлин выдвинет условие: во время перемирия принять наследника Государства Цзян и позволить ему пожить год в их дворце — якобы для обмена опытом, в то время как они сами отправят своего наследника в Государство Цзян. Изначально для Государства Цзян это не было проблемой: в конце концов, Е Цзымин мастер боевых искусств, в случае чего он сможет постоять за себя, так что больших ограничений это не создавало. Но кто мог знать, что, выпив вина в лагере Государства Маньлин, Е Цзымин внезапно забудет, что вообще умеет сражаться. Он помнил всё остальное, но был уверен, что лишён боевых навыков. Государство Маньлин объяснило это тем, что они опасались диверсий со стороны Государства Цзян во время перемирия, поэтому были вынуждены временно заблокировать память наследника о боевых искусствах, пообещав, что через год всё вернётся само собой. Ради справедливости они позволили наследнику Государства Маньлин выпить такой же кубок.

Так наследник Государства Цзян превратился в обычного человека, не способного постоять за себя, а Государство Цзян ничего не могло с этим поделать. В тот самый миг, когда было заключено соглашение, начал плестись заговор.

Месяц назад была украдена государственная реликвия Государства Цзян. После долгих поисков удалось выяснить, что за этим стоит Государство Маньлин. Правитель Государства Цзян осознал, что дело принимает скверный оборот, и продолжил расследование. После многих мытарств стало понятно: Государство Маньлин задумало нечто грандиозное, а жизнь наследника находится под угрозой. Не имея иного выхода, правитель был вынужден обратиться за помощью в Павильон Сюаньчжи, пообещав взамен, что Государство Цзян будет содействовать Павильону в течение следующих ста лет, а также передаст им Меч Лин — священное оружие государства.